

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.77

«ВОЛНЫ» МОРАЛЬНЫХ ПАНИК В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ 1990–2010-х ГОДОВ: ИСТОРИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

А. А. Ефанов

Ефанов Александр Александрович, кандидат социологических наук, доцент кафедры журналистики, Оренбургский государственный педагогический университет, yefanoff_91@mail.ru

В статье приводится социологическое обоснование конструирования моральных паник в российском обществе 1990–2010-х гг. Используются статистические данные, а также вторичный анализ результатов социологических исследований: как изысканий других ученых, так и собственных авторских разработок. Автором определяются три «волны» моральных паник: 1990-е гг. (молодежные субкультурные движения – скинхеды, антифашисты, готы, рейверы); распространение западной культуры; гомосексуализм; пропаганда секса; наркотизм; «компьютеризация» жизни школьников; 2008–2010 гг. (педофилия; спайсофобия); 2014 г. – настоящее время (военные действия на Украине; эпидемия ВИЧ/СПИДа; популяризация «групп смерти»). С учетом исторических фактов конкретизируется, что возникновение «волн» связано с фрустрационными явлениями: государственным и общественным переустройством; экономическим кризисом; обострением отношений на международной политической арене. Мотивированность инспирирования моральных паник автор объясняет с позиций отвлечения внимания от реальных проблем (таких как высокая инфляция, низкий уровень жизни, безработица и проч.) в сторону виртуальных конструкторов тривиальной природы. Выгодоприобретателями выступают представители политической элиты, а роль посредников выполняют медиаконтролеры. Делается вывод, что новообразования второй и третьей «волн» преимущественно являются моральными паниками второго порядка, поскольку конструируются по аналогичной либо сходной модели предшествующей серии явлений.

Ключевые слова: моральные паники, волны, кризис, СМИ.

“Waves” of Moral Panics in Russian Society in 1990–2010s: Historical-Sociological Analysis

A. A. Yefanov

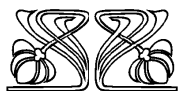
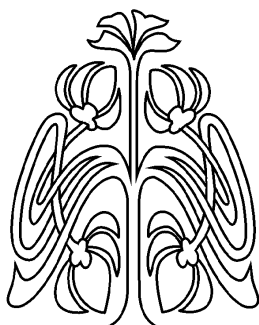
Aleksandr A. Yefanov, ORCID 0000-0002-9979-9224, Orenburg State Pedagogical University, 18, Pushkin Str., Orenburg, 460000, Russia, yefanoff_91@mail.ru

The article provides a sociological rationale of constructing moral panics in Russian society in 1990–2010s. Statistical data are used, as well as a secondary analysis of the results of sociological research: both the research of other scientists and their own author's developments. The author defines three moral panics “waves”: 1990s (youth subcultural movements (skinheads, antifascists, goths, ravers), the spread of Western culture, homosexuality, sex propaganda, narcotism, “computerization” of schoolchildren's lives); 2008–2010 (pedophilia, spiceophobia); 2014 – present (military actions in Ukraine, HIV/AIDS epidemic, popularization of “death groups”). Taking into account historical facts, it is concretized, that the emergence of “waves” is associated with frustration phenomena: state and public reconstruction; economic crisis; aggravation of relations in the international political arena. The author explains the motivation for inspiring moral panics from the perspective of distraction from real problems (such as high inflation, low living standards, unemployment, etc.) toward virtual constructs of a trivial nature. The beneficiaries are representatives of the political elite, and the role of intermediaries is performed by media controllers. It is concluded, that neoplasms of the second and third “waves” are primarily moral panics of the second order, since they are constructed from a similar model of preceding series of phenomena.

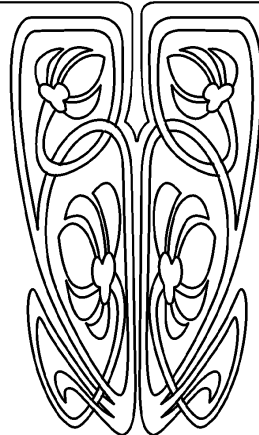
Key words: moral panics, waves, crisis, mass media.

DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-1-4-9

© Ефанов А. А., 2018

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

За два с половиной десятилетия своей истории «новая» Россия прошла непростой путь становления. Экономическая неустойчивость и политическая нестабильность продуцировали социальный кризис, проявившийся в неуверенности в завтрашнем дне, размывании ценностно-нормативных границ и, как следствие, утрате социальных ориентиров. Моральные паники как продукт массмедийных технологий возникают на фоне кризисных явлений социума. «Социологический словарь» Н. Аберкромби, С. Хилла, Б. С. Тернера определяет их как «эпизоды широко распространенного беспокойства и страха, вызванные событиями, которые имеют явно тривиальное значение. <...> Моральные паники обычно связаны с идентификацией “чертова отродья” (*folk devils*), которое считается ответственным за возникший моральный и социальный ущерб, каким бы он ни был, и сопровождаются призывами к наказанию или реставрации надлежащих моральных ценностей»¹.

Предметом рассмотрения настоящего исследования является социологическое обоснование конструирования «волн» моральных паник в российском обществе 1990–2010-х гг. Используются статистические данные, а также вторичный анализ результатов социологических исследований: как изысканий других ученых, так и собственных авторских разработок. Посредством историко-социологического анализа конкретизируются причины и социальные прецеденты, обуславливающие возникновение «волн» моральных паник.

Для определения такого социологического феномена, как «волна», необходимо обратиться к достижениям технических наук, в рамках которых данное явление было предметно изучено. «Большая политехническая энциклопедия» трактует волны как «возмущения, распространяющиеся с конечной скоростью в пространстве и несущие с собой энергию»². Подобная дефиниция может быть применима и к социологическому обоснованию «волн», поскольку под возмущением понимаются аффективные реакции общества на социальный прецедент, а под энергией – те социальные изменения, которые серия инспирируемых моральных паник способна вызвать.

Э. Гуд и Н. Бен-Йехуда с позиций контекстуального конструкционизма формируют процессуальную модель развития моральной паники, которая протекает в течение ряда этапов:

- 1) проявление озабоченности поведением определенной группы;
- 2) нарастание враждебности к этой группе;
- 3) распространение мнения, что поведение группы составляет общественную угрозу;
- 4) преувеличение числа девиантов, распространение панических настроений;
- 5) неустойчивость конструкта³.

Ученые концептуализируют тезис о наличии «жизненного цикла» моральных паник. По их мнению, моральные паники не просто приходят и уходят бесследно. Даже те из них, которые, казалось бы, завершаются без видимых последствий, часто оставляют неформальные следы, которые готовят социум к последующим сериям явлений.

Так, в новейшей истории России можно выделить три «волны» моральных паник (таблица).

Первая «волна» моральных паник приходилась на 1990-е гг., когда новое российское общество пребывало в стадии своего самоопределения. Государственное и общественное переустройство, а также экономический кризис обуславливали разрушение существующих социальных границ, в результате чего в особой «зоне риска» оказалось молодое поколение. Таким образом, концентрация моральных паник происходила «вокруг социально уязвимых групп – молодежи и детей. При этом молодежь и дети могут выступать как в качестве субъекта, так и объекта моральной паники, поскольку в различных контекстах представляет собой либо “жертву”, либо “нарушителя”»⁴.

Как замечает М. Х. Хаджаров, рост преступности и криминализация общества в 1990-е гг. способствовали деформации нравственных ценностей, что «привело к размыванию ценностно-мировоззренческих представлений о правильном образе жизни. Свобода как нравственная категория была понята как вседозволенность. На этих ложных представлениях сформировалась целая прослойка молодежи, которая не признает общечеловеческих ценностей, моральных принципов и правовых норм»⁵. В этой связи состояние молодежи формирует потенциальную угрозу для общества. Молодое поколение воспринимается как некий «преемник», приходящий на смену нынешней социально активной группе, а потому вызывающий у нее беспокойство за нравственное здоровье будущей «основы» общества.

«Волны» моральных паник в новейшей истории России

Период	Причины возникновения	Социальные прецеденты
1990-е гг.	государственное и общественное переустройство; экономический кризис	молодежные субкультурные движения (скинхеды, антифашисты, готы, рейверы); распространение западной культуры; гомосексуализм; пропаганда секса; наркотизм; «компьютеризация» жизни школьников
2008–2010 гг.	экономический кризис	педофилия; спайсофобия
2014 г. – н.в.	обострение отношений на международной политической арене; экономический кризис	военные действия на Украине; распространение ВИЧ/СПИДа; популяризация «групп смерти»

Особую опасность в данном контексте представляют социальные движения экспрессивного характера, приобретающие быструю популярность в молодежной среде. Социологи сходятся во мнении, что появление любой новой группировки для россиян – это «слом культурного базиса народа, серьезный социальный недуг, равный по степени влияния алкоголизма или наркомании»⁶. Нередко опасения общества в отношении действий того или иного молодежного сообщества приобретают масштабы моральной паники, в результате чего на его участников «наклеивается ярлык» девиантов.

Рассматривая моральные паники как механизм развития молодежных сообществ, Д. В. Громов отмечает, что они «не только пугают общество “народными бесами”, но и создают им рекламу, обеспечивая приток в разрабатываемые сообщества новых участников. Именно в СМИ часто создается канон субкультурного образа, которому затем следуют неофиты»⁷. Ученый выдвигает этапы появления и дальнейшего укрупнения молодежной группы:

1) возникновение группы;

2) детальное описание СМИ особенностей этого сообщества;

3) нарастание общественных фобий, сопровождаемое появлением моральной паники, характеризующейся чрезмерной акцентуацией внимания к мифологизированному образу группы;

4) формирование «обратной реакции», при которой молодежь начинает активно вливаться в ряды сообщества, заимствуя образцы поведения, представленные в СМИ.

Подобная модель была присуща молодежным сообществам «новой» России (увеличение численности скинхедов, популяризация субкультуры готов). К примеру, медиа-тиражирование информации о «молодежи со свастикой» привело к всплескам уличной антифашистской активности.

Кроме того, в начале 1990-х гг. в России стало набирать популярность рейв-движение с музыкальным направлением «хаус». Протест СМИ против андеграунда как олицетворения западной культуры принес новому жанру еще большую востребованность, «в результате моральная паника стала традиционным способом увеличения объемов продаж молодежной музыки»⁸, чему нередко благоволят и, собственно, сами представители молодежной индустрии.

И. С. Кон, в свою очередь, считает, что одной из причин появления моральной паники в отношении молодежи стало освобождение сексуальной культуры. Причем ее первая «волна» 1920-х гг. привела к ужесточению цензуры и репрессивным мерам к искусству того времени; вторая «волна» постперестроечного периода повлекла возникновение антисексуальных лозунгов с призывами блокировать сексуальное образование, что воспринималось учеными как

«геноцид российской молодежи, со всеми вытекающими отсюда последствиями»⁹.

Не менее острой в 1990-е гг. стала моральная паника в отношении гомосексуализма. Обильное проникновение экранов телевизоров в сознание вчерашнего советского народа явления гомосексуализма диссонировало с представлениями о «нормативном» проявлении чувств и сексуальных предпочтений. Общество опасалось, что молодое поколение может заимствовать подобные модели поведения. Однако уже в 2000-е гг. россияне стали уделять этой проблеме меньше внимания, увидев, что в обыденной жизни в своем окружении редко можно встретить представителей сексуальных меньшинств. Об этом свидетельствуют результаты опроса ВЦИОМ, согласно которым 92% граждан России полагают, что никогда не встречались с проявлениями «пропаганды гомосексуализма». И лишь 6% сталкивались с таковой, как они утверждают, в основном в телеэфире¹⁰.

Первая «волна» моральных паник 1990-х гг. также связана с конструированием повышенной опасности в отношении детей. Изучая освещение средствами массовой коммуникации проблемы защиты прав детей-сирот, П. И. Городецкая замечает, что данный вопрос не занимал лидирующих позиций на публичной арене, а первичное осознание масштабности проблемы – количество воспитанников детских домов – началось лишь в середине 1990-х гг. При этом особое внимание вызывали убийства российских детей в американских приемных семьях, когда общество забило тревогу, после чего жесткие заявления последовали и со стороны первых лиц страны. Однако западная пресса расценила «действия властей Российской Федерации как попытку поднять волну общественной истерии»¹¹.

С. Н. Майорова-Щеглова, напротив, развенчивает моральную панику в отношении детства, связанную с современными информационными технологиями, когда «дети Интернета совсем не общаются друг с другом. Дети с помощью компьютера просвещаются в вопросах секса. Дети привыкают только развлекаться. Дети становятся жестокими после Интернета. ИКТ конструируют новые картины мира у детей»¹². По результатам опроса, подтвердив их данными Фонда «Общественное мнение», С. Н. Майорова-Щеглова заключает, что, наряду с высокой степенью компьютерной грамотности и использованием IT-технологий как в образовательной, так и в досуговой деятельности, современное «медиа-поколение» не становится менее социализированным: общается со сверстниками в реальной жизни и не уходит в виртуальное пространство, а информацию о насилии и сексе получает с экранов телевизоров. Инициатором возникновения подобной моральной паники становится старшее поколение, поскольку «культура взрослого большинства» склонна подчеркивать «девиантность»

особенности «молодежной культуры», конструируя как «отклоняющуюся» для акцентуации ее субординированной позиции в обществе¹³.

Однако одним из самых резонансных явлений первой «волны» стала моральная паника по поводу наркотизма, которая зародилась в результате активного медиа-тиражирования информации о нападении наркоманов на пенсионеров, ставшей своеобразным «катализатором». Впоследствии взрослое население начало серьезно опасаться, что их дети могут стать наркозависимыми (после распространения через СМИ сообщений о действующих в разных регионах России группировках, насильно пристращающих подростков к наркотикам). П. А. Мейлахс проводит исследование наркотизма, где в ходе опроса выясняет, что дети осведомлены о ситуации с употреблением наркотиков значительно лучше, чем их родители. Это актуализирует мысль о том, что «реальное знание наркотической ситуации школьниками делает их менее подверженными моральной панике и апокалиптическим настроениям, распространяемым СМИ»¹⁴. Угасание данной моральной паники наметилось на фоне высокой инфляции начала 2000-х гг. (произошла смена медиа-повестки). Изучая данный прецедент, П. А. Мейлахс приходит к выводу о существовании изначально заложенного – диалектического механизма угасания любой моральной паники. При этом все явления 1990-х гг., участвующие в «моральной битве» того периода, также самонейтрализовались.

А. В. Семенова и М. В. Корсунская заявляют о накоплении памяти о прошлых моральных паниках, поскольку «воздействие предыдущей моральной паники от сходной социальной проблемы усиливает восприятие каждой последующей, если что-то напоминает аудитории источник прошлой угрозы, реакция на “врага” формируется мгновенно»¹⁵. Так, некоторые явления двадцати-, пятнадцатилетней давности стали основой для возникновения новообразований, конструируемых по аналогичной либо сходной модели. В этой связи следует говорить о моральных паниках второго порядка, культивируемых на социальной почве, заранее подготовленной предшествующей волной явлений.

Вторая «волна» моральных паник приходилась на 2008–2010 гг., когда в результате экономического кризиса в стране резко упал уровень жизни населения. В этот период общество было взволновано прецедентами педофилии. В СМИ периодически появлялись новости об учителях-педофилах и маньяках, орудующих в городе и насилующих малолетних детей. В основе данной моральной паники лежит усложненная модель конструирования явления в отношении гомосексуализма, поскольку выбирается новый объект – дети и угроза их растления, что потенциально вызовет аффективную реакцию в социуме. При этом, согласно данным статистики Главного ин-

формационно-аналитического центра МВД РФ, в стране наблюдалось сокращение количества преступлений против половой неприкосновенности детей (2009 г. – 4746; 2013 г. – 1324¹⁶). Таким образом, моральная паника в отношении педофилии возникает на основании обратной корреляции – непропорциональности статистических данных и медиа-интереса к явлению.

В отношении другого явления 1990-х гг. можно заметить, что моральная паника, связанная с наркотизмом, спустя десятилетие трансформировалась в спайсофобию. В «зоне риска» там оказывалось молодое поколение. Несмотря на то, что официальные данные Федеральной службы государственной статистики свидетельствовали о постепенном снижении уровня заболеваемости наркоманией (2009 г. – 25,2 тыс. чел.; 2013 г. – 18,1 тыс. чел.)¹⁷, медиа пытались нагнетать обстановку, сконцентрировав внимание на новой разновидности наркотиков.

Третья «волна» моральных паник началась в 2014 г., когда на фоне экономической неустойчивости и напряженности на международной политической арене в результате российско-украинского кризиса наблюдалось падение общего уровня социальной стабильности. Информационная война, развернувшаяся в общемировом медиапространстве, создавала в сознании россиян приближение реальной войны, когда под угрозой оказалась целостность социальных границ. Результаты исследования ВЦИОМ в 2016 г. показали, что общество больше всего опасается конфликтов между странами и военных действий (23%). При этом 21% респондентов уверены, что такое случится (25% опрошенных предполагают, что это, скорее всего, произойдет).

Третья «волна» моральных паник также связана с эпидемией ВИЧ. Занимаясь предметным изучением проблемы распространения ВИЧ в 1990–2000-е гг., И. Г. Ясавеев приходит к выводу о снижении медиаинтереса к данному явлению по причине несоответствия принципам отбора новостей: «ВИЧ/СПИД не является интересным, необычным и даже значимым для российских СМИ событием, происшедшим за последние 24 часа. ВИЧ распространяется постоянно, изо дня в день, не обладая событийностью, драматичностью, динамизмом, новизной, соответствием интересам властвующей элиты, необходимыми для того, чтобы эпидемиологическая ситуация была “новостью”»¹⁸.

Принципиально иная картина наблюдалась в 2016 г., когда медиаконтролеры, представив проблему распространения ВИЧ как эпидемию, предприняли попытку конструирования моральной паники. Используя инструменты символизации и гиперболизации, журналисты усложнили знакомое обществу явление, интерпретировав его как предтечу социальной катастрофы. Поводом стало заявление министра здравоохранения России В. Скворцовой о том, что в 10 россий-

ских регионах зафиксирован повышенный уровень распространения ВИЧ. При этом многие СМИ придерживались принципа «постправды» в освещении данной новости, заведомо игнорируя вторую часть выступления министра. В своем докладе В. Скворцова специально сакцентировала внимание на том, что проблема распространения ВИЧ, достигшая масштаба эпидемии, не является сенсационной и спонтанно возникшей, объясняется географическим расположением регионов, через которые проходит наркотрафик.

Продолжила третью «волну» моральная паника в отношении распространения «групп смерти» в Интернете. Так, в январе 2017 г. стала вызывать панические реакции информация о деструктивном воздействии на подростков сообществ «f57», «Тихий дом», «Синий кит» и других в социальной сети «ВКонтакте». Согласно легенде, участники вступают в закрытое сообщество (администратор проводит модерацию и добавляет только несовершеннолетних), а затем выполняют ряд заданий, представленных как обретение свободы (каждый «шаг» необходимо сопровождать фотоотчетом). Последним пунктом этой «игры» якобы становится совершение суицида.

Явление в отношении распространения «групп смерти» в социальных сетях представляет собой моральную панику второго порядка. Она конструировалась по аналогичной модели с моральными паниками 1990-х гг., связанными с игроманией подростков в США и виртуализацией жизни школьников (просвещением в вопросах секса и пропагандой насилия посредством информационно-коммуникационных технологий) в России. Основное отличие данной моральной паники заключается в высшей степени демонизации виртуальной сети, представленной как деструктивная сила, истребляющая молодое поколение. Несмотря на отсутствие статистических данных о резком увеличении суицидальных случаев среди подростков в результате распространения «групп смерти» в социальных сетях (согласно официальной информации МВД РФ, основными причинами самоубийств по-прежнему остаются неразделенная любовь, проблемы с учебой, родителями и сверстниками), широкое обсуждение данной темы и оперирование технологией эмотивно-морализаторского дискурса (в том числе со стороны первых лиц государства, в частности президента В. Путина, заявившего о необходимости ужесточения карательных мер для так называемых «дистанционных убийств») смогло спровоцировать аффективные реакции в обществе. «Жизненный цикл» моральной паники составил четыре месяца. Ее рецессия произошла в результате падения медиантереса к явлению (ввиду отсутствия фактов о реальных жертвах «групп смерти»).

Результаты проведенного исследования позволяют сделать вывод о существовании трех

«волн» моральных паник в новейшей истории России:

1) 1990-е гг. (молодежные субкультурные движения (скинхеды, антифашисты, готы, рейверы); распространение западной культуры; гомосексуализм; пропаганда секса; наркотизм; «компьютеризация» жизни школьников);

2) 2008–2010 гг. (педофилия; спайсофобия);

3) 2014 г. – настоящее время (военные действия на Украине; распространение ВИЧ/СПИДа; популяризация «групп смерти»).

Возникновение «волн» связано с фрустрационными явлениями: государственным и общественным переустройством; экономическим кризисом; обострением отношений на международной политической арене. Мотивированность инспирирования моральных паник можно объяснить с позиций отвлечения внимания от реальных проблем (таких как высокая инфляция, низкий уровень жизни, безработица и проч.) в сторону виртуальных конструкций тривиальной природы. Выгодоприобретателями в результате конструирования моральных паник выступают представители политической элиты, а роль посредников выполняют медиаконтролеры. Если говорить о новообразованиях второй и третьей «волн», они преимущественно являются моральными паниками второго порядка, поскольку конструируются по аналогичной либо сходной модели предшествующей серии явлений.

Примечания

- 1 Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б. С. Социологический словарь : пер. с англ. / под ред. С. А. Ерофеева. М. : Экономика, 2004. С. 153.
- 2 Большая политехническая энциклопедия. М. : Мир и образование, 2011. С. 210.
- 3 См.: Goode E., Ben-Yehuda N. Moral panics : the social construction of deviance. Oxford : Wiley-Blackwell, 2009.
- 4 Ефанов А. А. Моральные паники как фактор социальных изменений : дис. ... канд. социол. наук. Саранск, 2016. С. 67.
- 5 Хаджаров М. Х. Социология безопасности : Россия в эпоху смены мировых порядков // Вестн. ОГУ. 2012. № 1 (137). С. 78.
- 6 Рюмин А. М. Современные стереотипы о России в массовом сознании жителей стран Запада : дис. ... канд. социол. наук. Н. Новгород, 2012. С. 104.
- 7 Громов Д. В. «Моральная паника» как механизм развития ряда молодежных сообществ Советского Союза и России // Историческая психология и социология истории. 2012. № 1. С. 164–165.
- 8 Лисеев Р. П. Молодежный журнал как субкультурный феномен : дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2005. С. 126.
- 9 Кон И. С. Сексуальные ценности и сексуальное поведение на фоне исторических перемен // Научная конференция «Демографическая модернизация, частная жизнь и идентичность в России» (Москва, 27–28 февраля 2002 г.) : тезисы докладов / Центр демографии и

- экологии человека ИИП РАН, Институт этнологии и антропологии РАН. М., 2002. С. 45.
- ¹⁰ См.: 92% россиян не встречались с «гомопропагандой», но 86% хотят ее запрета // Омнибус ВЦИОМ, 2012. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=241&uid=112745> (дата обращения: 09.04.2014).
- ¹¹ Городецкая П. И. Социальная интерпретация конструирования защиты прав детей-сирот в трансформирующемся российском обществе : дис. ... канд. социол. наук. Самара, 2008. С. 83.
- ¹² Майорова-Щеглова С. Н. Новые информационные технологии и молодое поколение : нет моральным паникам! // Интеллигенция в мире современных коммуникаций : сб. ст. / под общ. ред. Ж. Т. Тощенко. М. : РГГУ, 2009. С. 254.
- ¹³ См.: Райхитат А. О. Молодежные субкультуры в российском обществе : теоретические подходы и современные практики : дис. ... канд. социол. наук. Казань, 2006. С. 55.
- ¹⁴ Мейлахс П. А. Социальная рефлексия наркотической ситуации в Санкт-Петербурге : дис. ... канд. социол. наук. СПб., 2007. С. 108.
- ¹⁵ Семенова А. В., Корсунская М. В. Контент-анализ СМИ : проблемы и опыт применения / под ред. В. А. Мансурова. М. : Институт социологии РАН, 2010. С. 46.
- ¹⁶ См.: Преступность в отношении детей // Главный информационно-аналитический центр МВД РФ, 2014. URL: http://riss.ru/demography/demography-science-journal/6363/#_ftnref2 (дата обращения: 14.03.2016).
- ¹⁷ См.: Заболеваемость населения алкоголизмом и алкогольными психозами, наркоманией и токсикоманией // Федеральная служба государственной статистики, 2014. URL: gks.ru/bgd/regl/b14_44/IssWWW.exe/Stg/10-07.doc (дата обращения: 14.03.2016).
- ¹⁸ Ясавеев И. Г. Социальные проблемы и медиа : конструкционистское прочтение. Saarbrücken : Lambert Academic Publishing, 2010. С. 188.

Образец для цитирования:

Ефанов А. А. «Волны» моральных паник в российском обществе 1990–2010-х годов: историко-социологический анализ // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2018. Т. 18, вып. 1. С. 4–9. DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-1-4-9.

Cite this article as:

Yefanov A. A. “Waves” of Moral Panics in Russian Society in 1990–2010s: Historical-Sociological Analysis. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2018, vol. 18, iss. 1, pp. 4–9 (in Russian). DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-1-4-9.